

ЗАМЕТКИ ПАНАЦЕИ

«Реальные истории победы
над болезнью»

Андрей Швецов

Андрей Сергеевич
Заметки Панацеи

«Автор»

2023

Сергеевич А. Ш.

Заметки Панацеи / А. Ш. Сергеевич — «Автор», 2023

Реальные истории исцеления реальных людей, которые могут стать точкой опоры, чтоб перевернуть мир, даже обессиленными руками, и начать счастливую, активную жизнь заново. Все рассказы - это художественная обработка писем с повествованием об уже свершившихся событиях выздоровления: чудесных или произошедших благодаря кропотливому труду, но всегда со счастливым финалом.

© Сергеевич А. Ш., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Все сокровища в одной коробке	5
Первое письмо	9
На даче	9
Второе письмо	13
Лето на балконе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Сергеевич, Андрей Швецов

Заметки Панацеи

Все сокровища в одной коробке

Московский журналист Андрей Швецов сидел на голубой пенке в окружении зарослей иван-чая и с явным неудовольствием рассматривал снимки в фотоаппарате.

«Свет плохой, – бормотал про себя Андрей, — пасмурно».

Внезапно откуда-то сбоку раздался хриплый старческий голос.

– А вы, товарищ, получается, шпиён?

В заросли протиснулась фигура коренастого старичка в типичном сельско-огородном костюме. На ногах – камуфляжные штаны, в них заправлена белая майка, поверх нее – пиджак от костюма, на голове – кепка ЛДПР с поломанным козырьком.

– Почему, сразу «шпиён»? – удивился Андрей.

– А вы зачем тогда оборонный завод снимаете? Я за вами уже полчаса наблюдаю. Вы в этих зарослях прятались и завод снимали, – с нарочитой суровостью сказал незнакомец, пряча улыбку в щетке седых усов.

– Так я это. Здание снимал, а не завод. Старинное, XVIII века, – начал оправдываться Андрей, не замечая лукавой улыбки собеседника.

– Знаю я вас, – пробурчал мужичок и хитро сверкнул глазами.

– Я журналист из Москвы, фотографию архитектуру позднего барокко. Это здание – яркий пример стиля, его оружейник Батышев построил, – выпалил молодой человек.

Звучная респектабельная фамилия тульских оружейников произвела на дедушку бодрящий эффект, он еще больше просветлел лицом и признался:

– Да ладно. Шучу я. Какие у нас шпиёны. Кому мы нужны? Я к вам из любопытства обратился. У меня дом за этим кустами, – дедушка махнул рукой за спину. – Скучно, поговорить не с кем, а тут вы с фотоаппаратом. Завод-то у нас давно уже не оборонный.

Андрей встал и начал разглядывать величественный двухэтажный особняк с мезонином. С холма он казался особенно ладным и словно игрушечным.

– Я тут проездом. Свернул с трассы в поселок купить воды и увидел ваше поместье. Вспомнил, что мне о нем уже рассказывали, дескать, оружейники – братья Батышевы – построили. Решил сфотографировать для коллекции. А про завод не слышал.

– Это Елатомский приборостроительный завод. Я на нем 20 лет работал. Выпускали изделия для армии: сердечники трансформаторов, уплотнители, герметичные прокладки, а заодно всякую мелочь, бигуди, например. Сейчас-то, конечно, уже другая номенклатура товаров.

– А какая? – уточнил Андрей, профессиональное любопытство включалось в нем автоматически. – Видно же, что завод процветает. Ремонт свежий, машины хорошие стоят, вон даже велопарковка имеется.

– Медицинское оборудование. Всякое. Но в основном, приборы такие специальные, магнитотерапия. Слыхали о ней?

– Небось лженаука какая-то? – усмехнулся Андрей.

– Нет, кстати. Работает! У меня есть такой аппарат «Алмаг +». Я им лечу спину. 20 лет на этом заводе сидел, склонившись над столом буквой «зю», паял платы, вот она и болит. А сейчас лечусь. Да вы сами сходите, посмотрите. Там музей есть, вход свободный. Заодно изнутри сфотографируете.

Андрей согласился, хоть и спешил. Он питал особую страсть к ведомственным музеям. В первую очередь, потому что они находятся как бы вне капиталистической системы, поскольку туда не надо продавать билеты. Такие музеи не будут тебе агрессивно навязывать сувенирные подстаканники, возможность сфотографироваться с ученым хором или в костюме обходчика путей. Пускай прибыль извлекает предприятие, а музей будет ни при чем, он может жить вообще без посетителей – никто не ходит, и не надо.

Журналист собрал пенку, повесил на шею фотоаппарат и вместе с мужичком – тот представился дядей Петей – стал спускаться с холма.

Вблизи здание выглядело еще более нарядным и праздничным.

– Вы проходите, не стесняйтесь. Там указатель есть, – сказал дядя Петя, заметив, что Андрей в нерешительности застыл у двери.

– А вы?

– Вы меня видели? Я ж с огорода. Куда мне в таком рубище? – старичок оттянул полу своего клубного пиджака с широкими лацканами. – Извините, я человек интеллигентный, техникум оканчивал. Видите вот, значок, – дядя Петя двумя пальцами ухватился за круглый белоглоубой значок на лацкане. – Общество трезвости!

Последние слова мужчина произнес с той особенной важностью, с которой показывают «удостоверения» силовики, если их, одетых по-гражданке, остановили на улице коллеги.

Дядя Петя раскланялся и весело добавил.

– Если охранники заподозрят, будто вы шпиён, скажите, что дядя Петя вас уже допросил, меня все знают.

Попрощались.

Огородник ушел обратно в сторону холма, а Андрей переступил порог в особняк с мезонином. Внутри пахло свежестью и мокрым бетоном.

Охрана пропустила гостя без особых церемоний, сказали подниматься на второй этаж в музей и добавили, взглянув на «Кэнон» в руках у Андрея, что фотографировать у них можно.

Журналист шел бесконечными коридорами, рассматривал лозунги на стенах вроде «Жизнь, работа, продукция высшего качества» и подумал, что внутри здание было больше, чем казалось снаружи.

Наконец Андрей пришел в музей – это было небольшое помещение, заставленное стройными рядами стеллажей, на стенах пестрели многочисленные грамоты и стенды.

«В 1985 году на заводе налажен выпуск игрушек «Хозяюшка» и «Светофор-конструктор». Кроме того, начато производство фена «Русь»», – гласила вывеска, под которой лежала гордость Елатомского приборостроительного завода образца 1985-го года – фен, похожий на артиллерийский снаряд. Рядом с ним соседствовал прибор, напоминающий плойку для волос. Андрей сперва подумал, что это и есть плойка, но изделие оказалось зажигалкой для газовых плит.

Особое место в музее занимали всевозможные медицинские аппараты – пластиковые коробочки со сложной электрической начинкой внутри. В том числе аппараты для низкочастотной магнитотерапии с загадочными, по-военному строгими названиями-аббревиатурами вроде «Маг-30».

На столе у окна стояла одинокая коробочка. Она была бережно обтянута тканью и доверху забита письмами. Андрей вспомнил, что, когда много лет назад начинал работать в газете «Вечерний дилижанс», у них в редакции стояла такая же коробочка с письмами читателей. Они делились смешными случаями, байками и даже зачем-то переписывали и отправляли по почте анекдоты.

– А это, между прочим, самый главный экспонат, – улыбаясь, сказал Андрею пожилой мужчина. За минуту до этого Швецов боковым зрением заметил, как тот вешал в Уголок почета какой-то диплом. Журналист принял незнакомца за хранителя музея.

– Письма какие-то, – сказал Андрей и, усмехнувшись, добавил. – От благодарных пользователей фена «Русь»?

– Кстати, надо покопаться, может, и такие есть, – задумчиво ответил мужчина. – Но вообще эта коробка – доказательство того, что завод выпускает приборы, которые меняют жизнь. Магнитотерапия, слышали? Даже у царской семьи был аппарат магнитотерапии.

– Ну, про царскую семью не слышал, а про магнитотерапию мне уже рассказали, – Андрей припомнил слова дяди Пети. – Это, получается, военная разработка?

Швецов сам не заметил, как начал брать интервью.

– Не совсем так. В 1988 году институт радиостроения, головное предприятие оборонного концерна «Фазотрон», передал нам портативный магнитотерапевтический аппарат МАГ-30. Предложили попробовать производить. Говорят – это революция! Магнитотерапия, дескать, многие болезни может лечить, особенно больные суставы. Рискнули. Начали выпускать приборы. А куда их девать? Рекламы же нет. Пришли к редактору журнала «Здоровье», попросили написать заметку, хоть на последней странице. Раньше печатному слову верили.

– Это точно, – подтвердил Андрей, который помнил, что даже 20 лет назад к журналистике было совсем другое отношение, не то что сейчас.

– Заметку напечатали, и это произвело настоящий фурор. Всё разобрали! Подчистую. Тогда же начали приходить и первые письма, которые лежат в этой коробке. Люди чувствовали эффект на себе, а потом передавали аппарат соседям, знакомым, родственникам. Некоторые буквально на ноги вставали.

– Даже так? – Андрей с недоверием покосился на стенд с «Магом-30».

– Еще бы! Первое же письмо написал мужчина по фамилии Гараж. Он был лежачий – вообще не ходил после аварии. Начал использовать аппарат и потихоньку полностью восстановился. Сначала стал передвигаться по квартире, затем впервые за годы вышел во двор, а потом поехал на велосипеде! Интересно, что, вылечившись окончательно, Гараж стал рассказывать про соседа – тот, дескать, тоже купил аппарат, но ему почему-то не помогает. Здесь на заводе начали разбираться, связываться с Гаражом, с его соседом, и выяснилось, что мужик другой стороной прикладывал прибор к больному месту. Научили, как использовать, добавили разъяснение в инструкцию, а на аппарат нанесли маркировку.

– А вы сами-то пробовали? – спросил Андрей. – Я не противник физиолечения, но, честно говоря, не могу понять как это штука работает.

– Очень просто. Магнитные импульсы запускают процессы восстановления в организме. То есть, организм сам себя лечит, а излучение ему в этом помогает. Вот взять меня. Чуть за 30 мне было. Получил серьезный ожог. Врачи говорят, будешь три месяца минимум восстанавливаться. Ну я стал водить над поврежденными тканями нашим аппаратом. Через недели три после ожога дай думаю в лес схожу за грибами – сезон! А я страстный любитель тихой охоты. Перевязала меня жена, ну я и пошел. Грибы собираю, а у самого всё зудит под бинтами. Домой вернулся с лукошком добра, и тут же бинты снимать. Чешется. И что вы думаете? Корочка сошла с бинтом, а под ней кожа молодая. Вместо трех месяцев за три недели восстановился.

– И что, здесь письма все в таком духе? – спросил Андрей.

Больше всего на свете Андрей любил невыдуманные человеческие истории, особенно с хорошим концом. Он собирал их, как коллекционер редкие марки или бабочек.

– Ну да. Раньше писали. Сейчас-то не пишут, отзывы разве что в интернете. А здесь с душой, каждое письмо – это чья-то история, надежда и, наконец, чудо!

– Ох, люблю я такие истории, они меня вдохновляют. Я ведь по профессии журналист, а для души пишу. Мне часто не хватает сюжетов.

– Так вы возьмите эту коробку! – внезапно сказал мужчина, – Там таких сюжетов целая куча. Только, чур, с возвратом.

– Ого, а разве можно? Надо, наверное, спросить у начальства. Это же память.

– Так я и есть начальство. Николай Иванович Панин, – пенсионер протянул руку Швецову. – Простите, что сразу не представился. Сейчас уже на пенсии, конечно, дети занимаются всеми делами предприятия. Но именно я начинал делать эти чудо-аппараты.

– Мы едва знакомы, а вы мне, получается, всю историю, всё богатство даете? – Андрей упирался, хоть действительно хотел познакомиться с письмами и набрать сюжетов для своих рассказов.

– А я по глазам вижу, что вы человек не ветренный, а рассказы нам нужны. Я ж не писатель, сам не напишу. Пусть будут для потомков.

Николай Иванович с неожиданной ловкостью подхватил тяжелую коробку и передал ее Андрею. Тот, охая и кряхтя, принял и уже через 20 минут возвращался в Москву с твердым намерением написать не менее 10 рассказов о людях относительно недавнего прошлого, об их надежде и вере в чудо.

Андрей Швецов несколько недель разбирал эпистолярное наследие Елатомского завода. Перед ним стояла коробка бытописательских свидетельств 90-х и начала нулевых. Репрезентативная выборка жизни.

Это было время, когда, чтобы поговорить с близкими из Челябинска, Омска или Иркутска, люди заказывали переговоры, когда брали друг у друга видеокассеты и книги, когда соседи делились аппаратом «Алмаг» с такой же легкостью, как если бы заимствовали табуретку или спичечный коробок соли. Непростое, но душевное время.

Андрей особо выделил 10 писем. Каждое – целая история. Причем не столько про чудо-аппарат, сколько про надежду, отношения друг с другом, радости и печали.

Опытный журналист художественно обработал эти истории и превратил их в короткие рассказы, которые мы с большим удовольствием публикуем. Пусть они будут глашатаями эпохи.

Первое письмо

На даче

Каждую весну врач-терапевт на пенсии Петр Бабушкин вместе со своей супругой Людмилой Борисовной и подслеповатым кобелем-боксером по кличке Тайсон, садились в «Ниву» и ехали в сад «Электрометаллург». Жить до осени. С возрастом Петр Петрович все больше тяготел к земле.

Не сказать, чтобы ему очень нравилось возиться на грядках. Скорее, привлекала сама эстетика садов, даже их философия. Пусть садовые домики часто монструозны, нелепы, а возня вокруг них в большинстве своем является какой-то карикатурой на крестьянский быт, но даже это греет сердце и радует.

Уже в марте, за несколько недель до начала сезона, пожилой врач парковал у подъезда свою «Ниву» и медленно, со вкусом обдумывал садово-огородные планы. «Надо бы где-нибудь навоза раздобыть, на огурцы» или «Сват капот от ЗИЛа обещал отдать, приделаю вместо двери в сарае».

Сад для Петра Бабушкина был пространством теплого, спокойного сна, местом, где он дремал с открытыми глазами. В компании с женой – бывшим провизором, проработавшей в аптеке 44 года, он прятался в саду от бесплодной изматывающей суеты.

Впрочем, иногда тихий дачный быт Бабушкиных сотрясала канонада пронзительных звуков. Приезжали внуки: Аня и Ваня. Если для Петра Петровича и Людмилы Борисовны сад был колыбелью, то для восьмилетнего Вани и пятилетней Аннушки – пространством приключений и тайн.

Их манили темные позабытые домики, наполовину вросшие в землю, раскрытые пасти заброшенных чердаков, какие-то огромные силосные бочки и непролазные заросли яблони китайки.

Дети с утра до вечера носились по СНТ и придумывали тысячи игр. Рисовали карты, прятались, громко смеялись и активно осваивали дачную «целину». Аня любила собирать кузнечиков и жуков, а ее старший брат вместе с соседским парнишкой Гришей бродили по бесхозным садам и собирали металлолом.

Папа Гриши – предприимчивый хозяйственный мужичок Антон Палыч нагружал добычей прицеп «жигулей» и раз в неделю отвозил металл в приемку. На вырученные деньги покупал окрестной ребятне мороженое, торты, пирожные, ну и себя не забывал, естественно – брал трехлитровую банку «Жигулевского», которую они с соседом Петром Петровичем распивали под сиреневым кустом.

Как-то раз доктор ухаживал за грядками помидоров. Он часто любил повторять, что в такое непростое для страны время сбережения нужно обязательно хранить в банках. Имел в виду – стеклянные банки, конечно же, в которые каждую осень его жена закатывала огурцы, помидоры, болгарские перцы и странные, похожие на обитателей морских глубин, кабачки-корнишоны.

Из сосредоточенной работы врача вывел грохот. Ребята с трудом толкали по дороге самодельную тележку из детской коляски. Она скрипела, трещала и, казалось, вот-вот развалится.

– Что вы там такое тащите? – спросил Петр Петрович.

Он оперся на тяпку и пытался разглядеть, что за «малыша» катал внук Ваня в этой арбе.

– Аккумулятор нашли! – весело сказал Ваня.

– От КАМАЗа, тяжеленный! – добавил Гриша.

– А как вы его подняли, он же килограммов 30 весит? – Петр Петрович подошел к мальчикам и взглянул в их люльку.

Там в самом деле лежал покрытый землей и паутиной аккумулятор с ржавыми контактами.

– Он во-о-он на той заброшенной даче стоял, в домике на подоконнике, – сказал Ваня и поправил кепку. – Я коляску подкатил под окно, а Гришка его спихнул прямо внутрь.

– Там свинца целая куча! – с воодушевлением добавил Гришка и сверкнул глазами.

– Ну давайте, папка вам поможет его снять, – Петр Петрович развернулся и пошел к своим помидорам.

Дети отправились вдоль по улице. Через пять минут они вновь стояли у забора и с мольбой смотрели на деда.

– Дедушка Петя, не дотащили! – печально сказал Иван.

– Сломалась коляска, не выдержала. Она ж не рассчитана на таких огромных тяжелых детей, – добавил Гриша.

– Груднички! – произнес Ваня и поднял руки, словно рисуя гигантского младенца.

– Помогите нам, пожалуйста, дотащить аккумулятор, папки дома нет.

– Эх, – махнул рукой Петр Петрович и отложил тяпку, – пойдемте.

На обочине безвольно валялся скелет коляски с тонкими, как у цапли, надломленными «ногами», рядом чернел могучий прямоугольный аккумулятор. Пенсионер закатал рукава и, смутно припоминая, как в армии делал стантовую тягу со штангой, поднял тяжелый набитый свинцом «сундук».

Вес оказался серьезнее, чем рассчитывал доктор, но как его бросишь? стыдно перед внуком.

Петр Петрович раскраснелся, будто те помидоры, вены на его шее и висках набухли, стали напоминать маленьких юрких змеек, вшитых под кожу.

– Только бабушке не рассказывай, – процедил сквозь зубы доктор, волоча в руках двухпудовый неудобный груз.

Дети бежали впереди вприпрыжку и подбадривали силача.

– Давай, дедушка, еще сто метров осталось! – кричал Ваня. – Какой ты сильный!

Петр Петрович насилу дотащил аккумулятор до участка соседа и бросил его у прицепа. Сказал Грише, чтобы папа – чай, помоложе будет – поставил его в прицеп или расковырял прямо на земле и вытащил ценный металл.

– Только сами чтоб не лезли! – предупредил дедушка. – Там кислота!

Уже к вечеру Петр Палыч не смог разогнуться. Боль в спине была то острой, то ноющей, то снова острой. Она на мгновение затихала, но лишь для того, чтобы набраться силы и вновь прошить спину доктора резкой болью.

– Это я из-за помидоров. Стоял, понимаешь, склонившись, видимо, потянул, – оправдывался Петр Петрович.

– Ага, из-за помидоров, думаешь, я слепая? Я видела, как ты эту штуковину тащил. Еще хотела крикнуть тебе из окна, чтоб поберег спину, да решила, пусть, мол, тащит, поделом, – ехидно сказала Людмила Борисовна, а потом уже с заботой спросила, – Дать тебе таблетку?

– На обезболивающих далеко не уедешь, только печень сажать, – пробормотал доктор.

– Сказала бы я, как ты печень сажаешь, с соседом, под вон тем кустиком, – усмехнулась Людмила.

Вечером пришлось идти в правление СНТ, звонить оттуда сыну, чтоб забирал и внуков, и пожилого «тяжелоатлета», который со своей «становой тягой» угробил спину. Самостоятельно сесть за руль Петр Петрович уже не сумел.

Дачный сезон шел своим чередом, Людмила Борисовна, ворча, ухаживала за мужем, помидоры некому было полить – дети с утра до вечера работали. Прописанные врачом при-
тирки, компрессы и даже уколы ненадолго облегчали боль, но проблему не решали.

– Да заживет. Растяжения всегда долго болят, – сказал хирург, пришедший посмотреть своего коллегу.

– А когда пройдет? – уточнял терапевт. – Сам же знаю, что долго.

– Ну, к сентябрю-то точно пройдет, – «обнадежил» хирург.

– К сентябрю, – грустно проговорил Петр Петрович. Перед его глазами пронеслись малоприятные картинки садово-огородных катастроф. Помидоры, кабачки, огурцы. Все медленно чахло, скукоживалось, сохло.

– Слушай, помнишь, в прошлом году нам Люба подарила аппарат? – как-то вечером сказала Людмила, растирая спину мужа муравьиным спиртом.

– Какой?

– Ну этот, для суставов!

Люба – сестра Людмилы. Физик-доцент из новосибирского Академгородка. Петр Петрович холодно относился к ней. Сам себе объяснить не мог – бубнил что-то, но в глубине души понимал – от зависти. Он ведь не всегда планировал работать терапевтом в простой районной больнице. В молодости горел надеждами, хотел горы свернуть, мечтал писать кандидатскую, но – увы – больничная суета закрутила, закружила врача. Диссертация откладывалась, откладывалась, а потом перестала и откладываться – осталась миражом, который часто снился. Не получилось у Петра Петровича, а вот у Любы из Новосибирска получилось, и еще как.

– Штуковину-то? Магнит?

– Ну да, вон он лежит, – Людмила показала бутылком с муравьиным спиртом на шифоньер.

Там, наверху, между плюшевым слоном непонятной расцветки и ящиком из-под посылки была втиснута коробка с аппаратом «Алмаг» Елатомского приборного завода.

Людмила и Петр скептически отнеслись к подарку родственницы. Всю свою жизнь они предпочитали лечиться таблетками, уколами, порошками, микстурами, но в случае пожилого «пауэрлифтера» это не помогало. А дачный сезон, между тем, подходил к своему зениту.

– Хуже не будет? – уточнил Петр Петрович. – Я понятия не имею, как этот прибор фурычит.

– Думаю, одно из двух: либо поможет, либо нет, – предположила Людмила Борисовна и полезла на табуретку доставать аппарат.

Следующие несколько дней она обрабатывала спину мужа по всем правилам, которые скрупулезно изучила по инструкции.

Через неделю Петр Петрович уже мог худо-бедно, как бледная тень передвигаться по квартире. Помидоры, трогательные дачные хлопоты словно говорили ему: «Встань, старый пень, разогнись и иди на грядки!» А он не мог, однако чувствовал, что постепенно приходит в себя.

– А ведь помогает, зараза! – весело сказал пожилой доктор, когда смог впервые после травмы самостоятельно завязать шнурки и прогуляться вокруг дома.

– Помогает. Сестра-то у меня ученая. Доцент. Знает, что дарить, – с важностью сказала Людмила, которая очень гордилась успехами сестры и при каждом удобном случае напоминала, что Люба – доцент из новосибирского Академгородка.

– Дай Бог здоровья, – уже без былой прохлады ответил Петр Петрович.

Еще через неделю он снова погрузил Тайсона и Людмилу Борисовну в машину и отправился в сад. Спина больше не болела.

– Как здоровье, сосед? – уточнил Антон Палыч. Он увидел, что врач загоняет свою «Ниву» во двор.

– Как у огурца! – бодро ответил дедушка.

– Гришка говорил, что вы аккумулятор тащили. Я вон всю жизнь гиревым спортом занимаюсь – и сам еле-еле его поднял. А я ведь моложе на 25 лет. Не щадите вы себя, Петр Петрович.

– Чуть сезон не прошляпил, – кивнул пенсионер.

Он в самом деле боялся, что этот дачный сезон пройдет мимо него, как проходит последний трамвай или любимая передача по телевизору, которую больше не покажут. С каждым годом Бабушкин все больше и больше ценил эти простые жизненные радости и опасался потерять хотя бы кусочек из них.

Вечером того дня супруги сидели на веранде и пили чай с чабрецом. Аня и Ваня собрали его неподалеку от СНТ, на небольшой сопке, напоминающей профиль Пушкина.

– Завтра надо на почту сходить, письма отправить, – задумчиво сказал Петр Петрович.

– А кому написать хочешь? – уточнила жена.

– Любке в Новосибирск. Если бы не она, упустили бы дачный сезон. Год бы пришлось еще ждать. А вдруг бы не дожил. Мало ли. Спасибо сказать ну и пригласить к нам, в сад. Не была же ни разу, – рассуждал восставший из пепла Феникс.

– Скажешь тоже, не дожил. Ты вон какой крепкий. Становую тягу делаешь, – рассмеялась Людмила.

– Ох, делаю, – Петр вспомнил про аккумулятор и закричал. – В общем, напишу. И на завод еще напишу, тоже скажу спасибо. Сделали же аппарат. Аппаратище! Молодцы!

Над супругами горела лампа с зеленым абажуром, темная густая ночь за окном пахла чабрецом, скошенной травой и клубникой.

Людмила и Петр Петрович еще долго сидели на веранде, пили чай и разговаривали обо всем подряд. Такого простого и душевного чаепития у них не было уже много лет.

Второе письмо

Лето на балконе

Борис Михайлович Покрышкин – коренастый, подтянутый 70-летний мужичок с орлиным веснушчатый носом и щегольскими седыми бакенбардами – был из тех живчиков-пенсionеров, которых можно встретить в любом большом городе с наступлением по-настоящему теплой погоды.

Они часто передвигаются на своих тяжёлых, скрипучих советских велосипедах вроде «Урала» или «Харькова», в редких случаях на «Туристе». Багажники обтянуты веревками или резинками, под ними – пакеты с покрывалами. Велосипедисты стелют покрывала в самых неожиданных местах и, как армия партизан – солнечных зайцев, светят своими бронзовыми животами на пляжах, лесных тропинках и где угодно. Говорили, что их можно встретить даже на козырьках брежневок и хрущевок – там, дескать, нет тени и никто не мешает.

Старички, конечно же, ничего не стесняются, принимают солнечные ванны и чувствуют себя, кажется, даже лучше и вольготнее чем в молодости.

В то лето Борис Михайлович предпочитал целыми днями быть на воздухе. Своего сада у него не было, поэтому он часто уезжал в городской бор – практически полноценный реликтовый лес – и подолгу загорал на одном из заброшенных гранитных карьеров, заполненных водой.

Вечером он возвращался домой – в одинокую холостяцкую берлогу, обставленную по последнему писку времен позднего Брежнева. Его жена скончалась 11 лет назад, дети разлетелись, как мотыльки, не приезжали, но часто звонили ему на городской телефон.

Жаркий июль нагревал бетонные стены старой панельки Покрышкина с таким усердием, что к вечеру в квартире было, как в бане, еще и окна выходили на южную сторону.

Из-за этого неунывающий Борис Михайлович пристрастился спать на незастекленном балконе на втором этаже: стелил своё походное синее покрывало с какими-то инопланетными грибами, вышитыми белыми нитками, клал под голову подушку и лежал на полу, сквозь прутья поглядывая на улицу. Он прислушивался к ее клокочущей, хаотической жизни и находил в этом особый, ни с чем не сравнимый шик.

Кипучее бытие двора с высоты семи метров представало перед ним, как тщательно отрепетированное представление, где один зритель, а актеры не в курсе, что они играют. Всё было таинственным, волшебным и интересным: обрывки полных фраз, ссоры, сальные шутки подгулявших жильцов, пьяные походки и томные взгляды. Любопытным было даже появление во дворе в одно и то же время одних и тех же людей – они шли с работы, как механические игрушки. Это почему-то забавляло Бориса Михайловича. Он никогда не думал, что люди могут быть настолько пунктуальными.

В тот душный вечер он по своему обыкновению улегся на балконе в коротких беговых шортах, с наслаждением вытянул ноги, закинул руку под голову и с удовольствием сказал про себя:

«Всяко лучше, чем телевизор смотреть». Борис Михайлович сторонился и даже слегка боялся всего нового. Телевизор в его системе жизненных координат был олицетворением прогресса – зубастого и непонятного. В советское время, с травоядной, тщательно цензурированной программой – еще куда ни шло, Борис Михайлович много смотрел его с женой. Но после перестройки, когда в страну хлынул селевой поток аляповатых шоу, сериалов, информации, криков, стонов и «боевиков-карате», Покрышкин предпочел выключить его вовсе. Боялся, что не получится приручить зверя.

– Что, говоришь, лучше? – переспросила старушка Кузьминична.

Она сидела на лавке у подъезда, Борис Михайлович ее не заметил, а сказал, похоже, слишком громко.

– Да на тебя смотреть, Кузьминична. Всяко лучше, чем в этот проклятый телевизор пялиться, – засмеялся Покрышкин.

– Это ты зря, через 20 минут, – бабулька посмотрела на крошечные, будто детские наручные часы, – «Богатые тоже плачут» начнутся, сериал.

– Что я там не видел? «Богатые тоже плачут?» Известное дело, плачут. Вон из соседнего, 36-го дома, дядьку вот как раз такого – богатого, в малиновом пиджаке, с «ролексами» на руке – пристрелили. А еще соседка – бабка Глаша – говорит, мол, потом тех, кто пристрелил – тоже пристрелили. Так что, плачут. И еще как! Я это и без ваших «сериалов» знаю, – с вызовом сказал Покрышкин и подбил подушку, собираясь перед сном еще часок поглядеть на жизнь двора.

– Понятно, что плачут, но у них там всё так красиво, чинно! – Кузьминична аж потеряла ладони от удовольствия, предвкушая 23-минутный сеанс плавания в мексиканском заливе латиноамериканских страстей.

– А у нас во дворе разве не кипят страсти? – удивился Борис Михайлович, приподнявшись на локте и глядя на соседку сквозь прутья балконной перегородки, словно из клетки. – Я тут, знаешь, уже целый месяц живу, на этом балконе, и гляжу с него, как с театральной ложи на сцену. Учительница из второго подъезда, знаешь такую?

– А как же, знаю.

– Как-то вышла в три часа ночи и под этим грибком села, сидит, значит. А мне не спалось от жары. Спрашиваю у ней, что случилось, мол? Помощь, может, нужна? А та плачет, говорит, муж буянит пьяный и она ждет, дескать, когда тот заснет, чтоб не прибил. Чем не страсти-мордасти?

– А я мужа знаю, – задумчиво сказала Кузьминична. – Николай Саныч, тоже учитель.

– Вот, в том то и дело, что учитель, физик. Никогда бы не подумал, что он пьет, зараза, а оно вон как. А ты говоришь – страсти! – сказал Борис Михайлович, потом повернулся на бок и будто спохватился. – Хотя, что я это, прям как ваша сестра со скамейки, сплетни разношу. Я, это самое, что сказать-то хотел: в реальной жизни намного интереснее, чем в твоём, Кузьминична, телевизоре. Так что лучше не в ящик смотреть, а вон, в окно.

– Да ну тебя, – махнула рукой Кузьминична, – сиди на своем балконе, кисни в этих помоях, а я пойду смотреть, как люди живут.

Бабушка ушла, а у Бориса Михайловича осталось на душе неприятное чувство. Во-первых, он корил себя за то, что начал как та классическая «приподъездная бабка» распространять сплетни про хорошего человека – учительницу, а во-вторых, пугало предчувствие какой-то надвигающейся подмены реальности.

Будто подлинную жизнь с ее запахами, криками, всполохами, печалью и радостями хотят заменить декорациями из папье-маше, вымыслом – всеми этими мыльными операми на ТВ. А главное, что в такой капкан попадутся первым делом пенсионеры. Потому что они наивны.

В ту ночь он снова плохо спал и беспрерывно ворочался. Внезапно атмосферное давление упало, подул холодный ветер – прообраз будущих вьюг – и намял Борис Михалычу бока. «За сплетни», – как решил он с утра. Продуло. Причем так основательно, что крепкий, никогда особо не болевший мужичок – бывший ударник завода «Теплоприбор», неизменный участник заводских спортивных мероприятий, непьющий и некурящий кремень – сделался вдруг несчастным и пожелтевшим. Никогда с ним ничего подобного не случалось, а лечиться он не привык.

С балкона пришлось перебраться на румынскую тахту. Детям пояснил, что приболел, подробности не рассказывал. Холодный ветер, как лазутчик, сделал свое дело и был таков: на улице всё так же пекло, дом к вечеру раскалялся, а несчастный Покрышкин потел на тахте и не мог встать. Он еле-еле ходил, мучаясь болью в спине, подъедал остатки еды из холодильника и решил, что, если через неделю не полегчает, придется вызывать врача.

А этого он очень не хотел: Борис Михайлович сторонился людей в белых халатах, а после смерти супруги, которой не смогли вовремя диагностировать рак и поставили диагноз на уже неоперабельной, терминальной стадии, мужчина вообще зарекся иметь хоть какие-то дела с медициной. Он ее рассматривал как еще одну часть прогресса: с одной стороны – телевизор, с другой стороны – врач.

«И так и так помру. Рано или поздно», – стоически размышлял он, когда, случилось, у него болел желудок. Обычно после какой-нибудь тяжелой пищи вроде холодца с хреном.

Впрочем, самое печальное, что прострелы в спине и в боках не только лишили его возможности загорать на карьере, но и согнали с балкона. Лежи целый день – не тужи. Поначалу он пытался читать, но буквы плясали, мысли убегали, как те скакуны из песни Газманова – ее в тот год часто крутили по радио – читать надоедало. Потом он играл сам с собой в шахматы, но после третьего детского мата, поставленного самому себе, затея показалась пустопорожней и идиотской.

«Как можно самому с собой играть, это же бред», – думал Покрышкин.

Какое-то время бедняга просто так лежал и смотрел в стену, вспоминал разные случаи из жизни, прокручивал их, как, бывало, прокручивал диафильм детям, когда те были маленькими.

Но эти самосозерцательные опыты почему-то приводили в уныние – опытный Борис Михайлович умело отслеживал опасное, почти смертельное для пенсионера чувство и блокировал усилием воли.

Все явственнее, настойчиво и даже дерзко попадался на глаза телевизор. Он стоял в углу, на его макушке белела ажурная салфетка, из-за которой аппарат напоминал чью-то квадратную голову в косынке.

На четвертый день покрышкинской лежки в дверь позвонили. «Продутый живчик», охая и причитая, пошел открывать. На пороге стояла Кузьминична.

– Слава богу, живой. А то ты, дед, пропал с балкона, я и заволновалась, думаю, мало ли, вдруг помер, – жизнеутверждающим голосом сказала соседка.

– Да я это, приболел. Продуло, похоже. Жду вот, когда отпустит, – ответил Борис Михалыч. – Да ты чего на пороге стоишь? Проходи, поболтаем. Правда, мне угостить тебя нечем.

Покрышкин скучал по живому общению, по наблюдению за жизнью двора, по людям. Невысокие стены с выцветшими бумажными обоями в бледно-коричневых узорах были плохими собеседниками.

– Да не, извини, спешу, – Кузьминична переминалась с ноги на ногу и сунула Покрышкину литровую банку с голубцами. – На вот, поешь. Сегодня сготовила.

– Спешит она, ты ж на пенсии, куда тебе спешить? Или смерть свою обогнать хочешь? – зловеще рассмеялся Борис Михалыч, а потом вдруг понял, в чем дело. – А-а-а, точно! «Сериял».

Он специально коверкал слово.

– Про богатых.

– Ага, «Богатые тоже плачут», – ответила соседка, – через пять минут начнется.

– И бедные плачут, и богатые плачут, и я плачу, – философски заметил Покрышкин. –

Ну иди.

– Я завтра зайду еще, – голос Кузьминичны удалялся, она жила двумя этажами выше, на четвертом.

Борис закрыл дверь. Перед глазами, нагло выпятив стеклянное брюхо, стоял телевизор.

«Да черт с тобой! – плюнул Борис Михалыч. – Посмотрю, кто там плачет, не зря же стоит этот динозавр, занимает место. Посмотрю и, может быть, выброшу его на помойку или продам. Хотя кому он нужен, черно-белый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.